М.Б. Башмаков

ЛЮБЛИНО В ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Объектом данного исследования стала Люблинская усадьба, которая находится в Юго-Восточном округе г. Москвы в районе Люблино. Эта историческая территория входит в состав Московского государственного объединенного художественного историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника Коломенское, Измайлово, Люблино*. Другим объектом исследования стал комплекс исторических зданий Николо-Перервинского монастыря.

В опубликованных научных исследованиях, справочно-информационных, краеведческих и исторических изданиях[1], были кратко изложены исторические события, происходившие в период Отечественной войны 1812 года на исторической территории района Люблино. Благодаря проведенному анализу этих работ, представляется возможным дополнить, уточнить и обобщить сведения о военной истории района Люблино в рассматриваемый период времени.

Важно отметить, что сегодня район Люблино[2] является одним из значимых районов столицы, так как история его связана с легендарными личностями и военными событиями, которые оказали сильное влияние на его становление и развитие. Это отразилось на его территориальной, дорожно-транспортной инфраструктуре и строительно-планировочной

---

* Современная территория музея-заповедника состоит из сохранившихся памятников архитектуры конца XVIII – XIX вв. (дворца Н.А. Дурасова), частично или полностью утраченных зданий (церковь св. апостолов Петра и Павла, комплекс оранжерей и конный двор), вновь восстановленных строений (театральная школа, дом смотрителя и здание гримерной), некоторых современных строений, а также из дорожно-тропиночной сети.

среде, создавая тем самым незаурядную архитектурную композицию и уникальную урбанистическую атмосферу.

Первоначальные сведения об этой загородной части г. Москвы относятся к середине XVI в. и связаны с образованием д. Юркино, расположившейся рядом с р. Голедью. В период Смутного времени войско Лжедмитрия I, состоявшее из мятежной шляхты, а также из переметнувшихся на его сторону казаков и стрельцов, проходило через эту территорию. Именно тогда эти земли были оставлены местным населением, а войско самозванца стало их обживать и заселять. После Смутного времени, в 1622 г., владельцем этих земель был Григорий Ларионов, служивший подьячим в Разрядном приказе. В 1680-е годы сельцом под названием Юркино-Люблино владел стольник Григорий Петрович Годунов, который был сыном тобольского воеводы Петра Ивановича Годунова. Вследствие чего эта загородная часть территории Москвы стала именоваться усадьба Годуново (Юркино). В дальнейшем это село, по 1, 2 и 3-й ревизиям, числилось за адъютантом Ревельского драгунского полка Петром Владимировичем Прозоровским, который был сыном генерал-адъютанта князя Владимира Никитича Прозоровского и приходился двоюродным братом фельдмаршалу Александру Александровичу Прозоровскому. Следующим владельцем этой территории стал Николай Алексеевич Дурасов, служивший офицером в лейб-гвардии Измайловском полку. В 1792 г. по его прошению императрица Екатерина Великая «Всемилостивейше пожаловать соизволила в отставку» Дурасова «с награждением бригадирским чином»[3]. После отставки и до начала Ответственной войны 1812 года Н.А. Дурасов жил в своем загородном имении.

Существует мнение, что в период Отечественной войны 1812 года помещик Николай Алексеевич не принимал личного участия в войне, а переждал трагические события, происходившие в Москве, в своем имении с. Никольском на Черемшане в Симбирской губернии. Однако из письменных источников мы узнаем, что во время нашествия наполеоновской армии Н.А. Дурасов не уезжал из Москвы, а принимал активное участие в создании народного ополчения и состоял в качестве помощника при начальнике Комиссии провиантской части генерал-лейтенанте Н.А. Хомутове. Комиссии было предписано организовать прием пожертвований и хранение продовольствия, оружия и амуниции.

Эти сведения обнаруживаются в «Книге исходящих бумаг 1-го Комитета для образования Московской военной силы – перечень документов», где в инструкции по Комиссариатской части «Начальнику Г-ну

Генерал-Лейтенанту и Кавалеру Хомутову обще с помощью его Г-ном Бригадиром Дурасовым о приеме и хранении вещей, представляемых в пожертвование, и от проч[ем], по сей части относящемся» даются указания, утвержденные 23 июня, в которых Г.А. Хомутову и Н.А. Дурасову предписывалось следующее: «Как в уездах предложено из дворянства выбрать одного чиновника для приема с воинами приносимаго и особо кем пожертвованнаго оружия, как-то: ружье, пики, сабли, пистолеты, то все оное есть ли будет оставлено сверх того, что на людях, должно быть хранимо под ведением тех выбранных чиновников от пожара безопасных, отведенных в городах городничими, в уездах Земским судом, а для приема и выдачи оных иметь верныя книги»[4].

Данные сведения подтверждаются и другим источником, где говорится, что «офицеры, не бывшие в боях, но исполнявшие с честью возложенныя на них хозяйственныя поручения: генерал-лейт. Хомутов… бригадир Дурасов…»[5].

Н.А. Дурасов, как и большинство московского дворянства, предоставил в земское ополчение некоторое число приписных к нему людей. Точное количество ратников, дворовых и крестьян из Богородского уезда сел Петровского и Орлова, Дмитровского уезда села Царева и деревни Костюнино, которыми владел бригадир, предоставленных в земское ополчение, не известно. Однако по ряду сведений, из всех своих многочисленных сел и деревень Дмитровского, Богородского и Бронницкого уездов Московской губернии Николай Алексеевич отдал в ополчение 75 человек крепостных крестьян[6], «а также трех человек из Оренбургской губернии Уфимского уезда Юрюзанского железного завода»[7], а его родная сестра Аграфена Алексеевна Дурасова отдала 12 человек из Подольского уезда Московской губернии.

Стоит отметить, что среди многочисленных родственников Н.А. Дурасова были два легендарных генерала, блестящие командиры, участники Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии Арсений Андреевич Закревский и Александр Александрович Писарев. Последнему было суждено после войны жениться на племяннице Н.А. Дурасова Агриппине Михайловне и стать следующим владельцем люблинской усадьбы.

После окончания Отечественной войны 1812 года и прекращения деятельности Московского ополчения Н.А. Дурасов продолжал активно участвовать в общественных мероприятиях по восстановлению Москвы, став членом (исправником, флигель-капитаном)[8] Комиссии по рассмотрению прошений обывателей московской столицы и губернии, потерпевших от

разорения неприятельского нашествия и пострадавших во время Московского пожара.

Эти сведения подтверждаются данными из «Журнала заседаний 1-го комитета для образования Московской военной силы – о формировании частей Московского ополчения, его численном составе и расквартировании», где говорится, что «в Губернские по Комиссариатской части назначается Генерал-Лейтенант Хомутов, а в Губернские Провиантмейстеры назначается бригадир Николай Кашкин, а по Комиссариатской части в помощь Хомутову – Бригадир Николай Дурасов, коим и ведать выбранных от дворян по сим частям»[9].

Фрагментарные сведения о деятельности Н.А. Дурасова в рассматриваемый период содержатся в выписке из «Журнала заседаний комиссии для рассмотрения прошений обывателей Московской столицы и губернии, потерпевших разорение от нашествия неприятельского, – о назначении денежных субсидий пострадавшим горожанам» от 1 июля 1813 г. (под № 177) говорится, что в числе членов комиссии также был бригадир Н.А. Дурасов[10].

Важно отметить, что и сам Н.А. Дурасов наравне с другими жителями столицы, имущество которых пострадало от пожара, наполеоновской армии и мародеров, также получил из этой комиссии денежную субсидию. Данные сведения содержатся в «Предписании Главнокомандующего в Москве графа Ф.В, Ростопчина Московской управе Благочиния о наблюдении за использованием ссуд, полученных в Московском опекунском совете, на ремонт домов», где в рапорте от 29 июля 1813 г. за № 2403 говорится, что «Императорского Воспитательного дома Московский Опекунский Совет уведомляет меня, что на основании ВЫСОЧАЙШЕГО Ея Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны повеления выданы оным под залог сгоревших в Москве домов на отстройку оных заимообразно г-дам Бригадиру Дурасову… с тем, что они обязаны подписками прежде истечения годового срока займа сего приступить к отделке погоревших домов своих…»[11].

После роспуска ополчения, в марте 1813 г., командующий Московской военной силой граф И.И. Морков представил к награждению генералов Московской военной силы, отличившихся в прошедшую военную кампанию 1812 г. В их числе к награждению орденом Св. Анны 2-й степени с алмазами был представлен и Н.А. Дурасов за то, что «был употреблен при генерал-кригс-комиссаре (Г.А. Хомутове) и… поручения исполнял с похвальным усердием»[12].

К. Вильмот в своих воспоминаниях о Н.А. Дурасове пишет: «…чудак-помещик долго мечтал об ордене св. Анны и наконец, добившись его, приказал на радостях архитектору построить дом в виде ордена св. Анны с фигурой этой святой на крыше»[13]. Однако документальных материалов, подтверждающих факт награждения его этим орденом в настоящее время пока не было обнаружено.

Впоследствии, в 1818 г., за заслуги, достигнутые во время работы в Комиссии, по собственному желанию Н.А. Дурасов получил отставку, вышел из армейского бригадирского звания и получил почетный гражданский чин действительного статского советника (гражданский чин, соответствующий генеральскому).

Существует мнение, что по ходатайству действительного статского советника, уездного предводителя московского дворянства Александра Александровича Арсеньева Н.А. Дурасов, в числе прочих дворян Московского уезда, был представлен и к бронзовой медали «В память Отечественной войны 1812 года» (она вручалась старейшему «в семействе, по имению в уезде и домам»), схожей по изображению с медалью 1812 г.

Однако обратимся к событиям, происходившим в период Отечественной войны 1812 году в оставленном загородном дворце и усадьбе Н.А. Дурасова. Считается, что французам понравился ансамбль из каменных зданий, выполненный в имперском стиле с необычными архитектурными формами, в котором можно было комфортно разместиться. Необходимо отметить и то, что интерес высшего французского начальства к дворцу вызвала именно провизия, которая здесь была оставлена и имелась в избытке, запасенная Н.А. Дурасовым до событий Отечественной войны 1812 году, Возможно, поэтому здесь разместился некий французский генерал.

Как отмечал один из русских агентов в своем донесении, оставшись в оккупированной Москве, «недостаток в пище столь велик в самом городе, что едят ворон и галок. В Люблине, у г-на Дурасова, живет один французский генерал и пользуется найденными там припасами, вином. Три приятеля у него обедали. Как скоро узнали в Москве, что в Люблине хорош стол, то все стали туда ездить обедать; и 29-го числа [сентября] было за столом человек с 40 одних генералов»[14].

Вследствие того, что в Люблинском дворце находилось французское командование, то в нем всегда соблюдался относительный порядок. Поэтому Люблинский дворец в период Отечественной войны 1812 года практически не пострадал, а в послевоенный период времени его достаточно быстро восстановили. Стоит отметить, что после побед России

в 1812–1814 гг. при восстановлении старых и строительстве новых зданий особое значение придавалось военной символике. Поэтому интерьер Круглого зала украсили алагерки – орнаментальные росписи, включающие изображения оружия, знамен и лавровых венков.

Теперь обратимся к трагическим событиям, происходившим в другой исторической части района Люблино в период Отечественной войны 1812 года. Расположенный в историко-географических границах района Люблино Николо-Перервинский монастырь, а также размещавшаяся в нем Платоновская семинария в годы войны были оккупированы и частично пострадали от войск наполеоновской армии. Благодаря воспоминаниям немногочисленных очевидцев событий, происходивших после входа французских войск в монастырь, мы можем восстановить историческую картину.

За несколько дней до вступления войск наполеоновской армии в столицу, 2 сентября 1812 г. казаки взорвали шесть (семь) бараков, которые были устроены рядом со святой обителью на Москве-реке. В них находились запасы свинца, кожи, холста и других припасов, вывезенных из «комиссариатского депо». Уничтожение материалов и вещей было сделано специально, чтобы не дать возможности неприятелю воспользоваться ими. Казаки предупреди монахов о подрыве бараков, и сразу после того, как те вышли из обители, «раздался страшный удар, от которого в монастыре уцелели только редкие стекла»[15].

Благодаря заботе настоятеля обители и префекта семинарии Лаврентия (Башевского), который одновременно игуменствовал в Московском Златоустове монастыре, казна и драгоценности, часть церковного и богослужебного имущества, а также все съестные запасы (мука и подсолнечное масло) были вывезены, а оставшаяся часть еды была надежно спрятана. До прихода неприятеля практически все насельники покинули обитель, в ней осталось лишь небольшое число семинаристов и монахов, около 20 человек. Важно отметить, что из четырех загородных монастырей, подвергшихся оккупации неприятелем, эта обитель меньше всего пострадала. Так, именно благодаря усилиям оставшихся насельников монастыря, заблаговременно спрятавших церковные вещи и остатки провизии, французам мало что досталось.

4 сентября французские войска в значительных силах вошли в обитель и расположились в ней и в находящейся рядом слободке служилых людей, приписанных к монастырю.

Сохранились свидетельства о том, что часть церковного и богослужебного имущества все же была обнаружена неприятелем и похищена

из монастыря. Так, в обители пропали оклады с некоторых икон и богослужебная одежда.

В статье Л.В. Мельниковой «Монастыри Московской епархии во время Отечественной войны 1812 года» приводится воспоминание одного инока из этого монастыря о защитниках православных святынь из среды мирян. Например, «крестьянин Алексей Ревягин, увидев, что французский солдат укладывает в свою повозку серебряную ризу с иконы Спасителя из соборного храма Николо-Перервинского монастыря, сначала хотел отобрать ее, но, поняв, что силы неравны, попробовал обмануть грабителя, что получилось весьма успешно. Громко смеясь, он показал сначала на медные пуговицы своего кафтана, а затем – на снятую ризу. Мародер, подумав, что принял медь за серебро, выбросил похищенное. Крестьянин подобрал ризу, спрятал в своем доме, а после ухода неприятелей вернул ее монастырю»[16].

Другим образцом благочестивого и уважительного отношения к святыням может служить пример, приведенный в историческом очерке об истории Николо-Перервинского монастыря. В нем говорится, что «двое из крестьян той же слободы, удалившись с женами и детьми в Гжельскую волость, пришли оттуда наведаться, в каком состоянии их домы; осмотрев их, пришли осмотреть церкви, кои уже не запирались. В соборной церкви никого из французов не было. Крестьяне из растворенных корридоров прошли в старую ризницу и застали одного молоденького француза, сдиравшаго с ризы газы. Крестьяне были готовы в сем скрытом месте растерзать хищника святыни. Но здесь церковь, сказал один крестьянин, грешно святое место осквернять кровью. И так удовольствовались запереть француза в ризнице, а сами ушли в свое место»[17].

Неоднозначно складывались отношения завоевателей и местных жителей. Французы отнимали одежду и деньги и заменяли их фальшивыми ассигнациями. Однако важно отметить, что французы были снисходительны к малолетним детям, которые без всякого опасения пекли картофель у разведенных французами костров, в то время как взрослых оттуда всегда гнали, причем редко кто из них избегал ругани и побоев[18].

Известно, что французские войска покинули Николо-Перервинский монастырь только через месяц – в ночь с 7 на 8 октября, а 1 декабря 1812 г., когда настоятель вернулся и сразу же поехал на Перерву, он обнаружил монастырь неразрушенным, а оставшуюся братию живой и невредимой. На его вопрос, как им удалось сохранить свою жизнь и съестные припасы, они ответили ему, что «после вашего отъезда, мы

вместо того, чтобы печь сколько-нибудь для себя хлебов, вздумали в житницу муку и крупу перетаскать под новые монастырские покои через узкия внизу окна, сделанныя для проветривания нижних накатов и полов, и через кои пролезть могли только малолетные ученики, а взрослый ученик никак пролезть не мог; под сими накатами место очень пространное. Постлав на землю рагожи и семинарские халаты, мы начали хлебными чашками и наволочками с подушек муку приносить к тем отверстиям, сквозь которыя малолетние ученики под полом принимали оную и ссыпали на постланные места. Также поступали мы и с крупою; а постное масло, разлив в штофы и бутылки, разставляли по разным скрытым местам. Некоторую часть из него неприятели нашли… Муку же под полами во всю их бытность сыскать не могли; а мы по ночам пекли себе из нея хлебы и разделяя по равным частям, которыя всякий прятал там, где рассудил»[19].

Важно отметить, что чудесным образом от пожара не пострадали корпуса Николо-Перервинского монастыря, однако находящаяся рядом слободка не один раз загоралась; видя это, французы прибегали к хозяевам домов, живших за слободкой, махали руками и кричали *«Фё, фё»* (от фр. feu – пожар) после чего крестьяне быстро тушили пожар. Удивительным образом сохранилась и семинарская библиотека. Из 3000 книг библиотеки пропало около 200. Из воспоминаний очевидцев мы узнаем, что «многие офицеры, навязав в свои платки несколько книг, относили и брали другия…»[20].

Подводя итог, можно сказать, что район Люблино наравне со многими территориями столицы стал местом оккупации и расквартирования наполеоновских войск. Тем не менее Отечественная война 1812 года пощадила Люблинскую усадьбу и святую Николо-Перервинскую обитель, которые избежали кощунственного поругания и осквернения и стали своеобразными памятниками победы русских войск над наполеоновской армией.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Дорошенко М.Ю.* Судьба наследства Н.А. Дурасова // Коломенское: Материалы и исслед. / Под. ред. Е.А. Верховской. М., 2007. Вып. 10. С. 236; *Коробко М.* Люблино // Адреса Москвы. 2008. № 2/41. С. 81–83; *Коробко М.Ю.* Кузьминки – Люблино. М., 1999; *Он же.* Москва усадебная. М., 2005. С. 175–208; *Он же.* Московский Версаль: Кузьминки – Люблино. М., 2001; *Он же.* Неизвестное Люблино // Русская усадьба: Сб. Общества изучения рус. усадьбы. М.,

2001. Вып. 7; *Коробко М.Ю., Еремкин Г.С., Насимович Ю.А.* Люблино: Природное и культурное наследие Москвы. М., 2003; *Летин В.А.* Семантика декора Мраморного зала дворца Н.А. Дурасова в Люблине // Коломенское: Материалы и исслед. / Под ред. Е.А. Верховской. М., 2007. Вып. 11. С. 87, 125; *Рустаева Н.Р.* Дворец Н.А. Дурасова в Люблине: Реставрация 1950-х // Там же. С. 99; *Савинова Е.Н.* Семейство Писаревых в Горках и Люблине // Там же. С. 111; *Юхименко Е.М.* Люблино прекрасное, Люблино милое. М., 2005.

[2] Современные границы районов Москвы не совпадают с историческими территориями районов начала XX в. В 1925 г. Люблино получило статус города, а с 1991 г. территория бывшего г. Люблино поделена между районами Люблино и Печатники.

[3] Санкт-Петербург. ведомости. 1792. № 4.

[4] Москва и Отечественная война 1812 г. М.: Глав. архив. управление г. Москвы, 2012. Кн. 2. С. 522–523; ЦГАМ (ЦХД до 1917 г.). Ф. 328. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–12.

[5] *Апухтин В.Р.* Народная военная сила: Дворян. ополчения в Отечеств. войну. М.: Печ. С. Яковлева, 1912. Т. 1, ч. 1. С. 23.

[6] Московское дворянство в 1812 году. [М.]: Изд. Моск. дворянства, 1912. С. 299.

[7] *Андрейчева М.Ю.* Меч и перо А.А. Писарева… // «Не даром помнит вся Россия»: Материалы науч. конф. «Наше наследие: История и культура Русской провинции», посвященной 200-летию Отечественной войны 1812 года. М., 2014. № 16. С. 199.

[8] Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова. СПб.: Имп. Академия наук, 1812. Ч. 2. С. 64.

[9] Москва и Отечественная война 1812 г. С. 212–213; ЦГАМ (ЦХД до 1917 г.). Ф. 4. Оп. 1. Д. 4442. Л. 3–4.

[10] Москва и Отечественная война 1812 г. С. 350–351; ЦГАМ (ЦХД до 1917 г.). Ф. 20. Оп. 2. Д. 2373. Л. 6об.–10.

[11] Дом бригадира Н.А. Дурасова находился на углу Дурасовского переулка и Покровского бульвара (Дурасовский пер. 11). В 1825 г. был куплен графом М.А. Дмитриевым-Мамоновым. В 1839 г. приобретен для Практической академии коммерческих наук.

[12] *Апухтин В.Р.* Указ. соч. М.: Печ. С. Яковлева, 1912. Т. 1, ч. 2. С. 50–51.

[13] *Врангель Н.Н.* Помещичья Россия [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/w/wrangelx_n_n/text_1910_pomeshichia_rossia.shtml (дата обращения: 30.01.2018).

[14] О Люблино. МГОМЗ. [Электронный ресурс] URL: http://www.mgomz.ru/lublino/o-lyubline (дата обращения: 30.01.2018).

[15] Исторический очерк Николо-Перервинского монастыря. М., 1886. С. 41.

[16] Мельникова Л.В. Монастыри Московской епархии во время

Отечественной войны 1812 года. URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/2001/Melnikova.pdf (дата обращения: 30.01.2018)

[17] Исторический очерк Николо-Перервинского монастыря. С. 42.

[18] Там же.

[19] Там же. С. 41.

[20] Там же.